

ВЕРЮ В МИССИЮ ДОБРА

Сегодня в кинотеатре «Россия» состоится премьера фильма «Письма мертвого человека», рассказывающего о той войне, в которой нет победителей. Главную роль в нем исполнил заслуженный артист РСФСР Ролан Быков. Его герой, ученый с мировым

именем, пишет письмо сыну, который исчез в этом ядерном аду: «Моя жизнь и моя наука оказались черным паровозом, которым мы наехали на все человечество».

Сегодня Р. Быков — гость нашего клуба интересных встреч.

— Ролан Антонович, как ни стараюсь, не могу избавиться от ощущения, что вижу не вас, актера и режиссера, а человека, который в другой реальности испытал на себе все ужасы ядерной катастрофы.

— Судьбе было угодно, чтобы я вместе с моим героем пережил то, что, хочется верить, не придется испытать никому. Роль в таком фильме — чрезвычайно тяжелая работа уже потому, что сам материал необычный. Картин об атомной войне мало. Кроме американских лент «На последнем берегу» и «День после», остальное — попытка потрясти зрителя жуткими картинами гибели мира.

Новизна картины фильма Константина Лопушанского в том, что он создал произведение камерного звучания о глобальной катастрофе. Именно камерность и приближает его к зрителю. Мир предстает суженным до подвала, страшные смещения произошли в нем, если человек просит похоронить его не у дерева или реки, а у шкафа в соседней комнате. И все же нет-нет да и услышишь: «Ну, зачем про такое? Устали от трагедий». Это предрассудок мира без войны. Мы боимся травмировать наше сознание, больше озабочены обыденными мелочами, чем судьбой человечества. Вглядитесь в финальные, почти брегелевские, кадры фильма. Кстати, это единственная условность ленты. Несколько детских фигурок идут по мертвой, остывающей планете. Идут с надеждой к нам, в зрительный зал.

— Тема гуманной миссии человека — доминирующая в вашем творчестве. По-разному она воплощается в образах профессора Арлсена и командира партизанского отряда Локоткова.

— Но и там, и там она решалась мной, как тема отцовства. Локотков в фильме «Проверка на дорогах» несет в себе отцовство от природы, своих корней. Оно сохраняет в нем человеколюбие даже тогда, когда, кажется, сделать это невозможно: командир верит перебежчику, запрещает взорвать мост с вражеским эшеленом, потому что под ним проплывает баржа с пленными. Арлсен же, лишь обретая вновь чувство отцовства, оказывается способным на поступок.

— Но идея добра находила у вас и гротесковые формы воплощения. Вспомним Башмачкина. Кстати, долгое время при-

нято было считать, что актеру Быкову не свойственны мягкие краски.

— Это как подходить к актерской индивидуальности. Есть, например, традиция, что актеры моих внешних данных не могут играть драматические роли. И критика довольно долго пыталась навязать мне амплу комического героя. Да, гротеск — мой любимый жанр, не будем забывать, что я актер вахтанговской школы. Но ее приверженцам были доступны и водевиль, и сатира, и трагедия. Я всегда следовал за вахтанговской трактовкой формулы Станиславского: идти от себя. Вахтангов говорил, что это верно, но только надо идти, а не стоять, и не к себе, а от себя. Поэтому я стремился как бы «примерить» на свою актерскую индивидуальность, даже подчинить ей разные жанры.

Сначала играл героев комических. Их было множество: беспризорники, пьяницы, череда безымянных персонажей. И вдруг роль, ломающая рамки этого амплу — Башмачкин в «Шинели», — фигура страшная, трагическая. А потом появляется неожиданный лиричный трубоч в картине «Звонят, откройте дверь».

Но самой большой неожиданностью, и прежде всего для меня, явилось предложение режиссера Алексея Германа сыграть командира партизанского отряда Локоткова — образ драматургически сложный, социально значимый. Я мог представить Локоткова в исполнении Михаила Ульянова, Николая Губенко, Олега Ефремова, но не себя. А дальше произошло то, что не так уж часто случается в биографии артиста: стереотип был опрокинут, и оказалось, что мои внешние данные могут «рабо-

тать» и в героической роли.

— Один из критиков написал, что актерская профессия для Быкова — это поле исследований и поле сражений, а режиссура?

— Поле исследований и поле сражений. Все сорок лет в кино я исследую феномен детства и стараюсь делать правдивые фильмы о детях. Когда я снял «Чучело», рассказав в нем о таком явлении, как детская жестокость, мне не поверили, посыпались даже письма с требованиями посадить режиссера за решетку. А на одном из показов в кабинет директора кинотеатра ворвался пожилой мужчина с криком: «Кто позволил выпустить этот фильм на экран?».

— Что случилось? — спрашиваем у него.

— Нельзя, — кричит, — его было выпускать!

— Но почему нельзя?

— Не знаю, — отвечает, — но чувствую, что нельзя.

Странная это позиция: не знаю почему, но на всякий случай надо бы запереть. Мы привыкли к показу негативного на экране, но стоит обнажить правду, — это уже не про нас. Это чужие дети — хулиганы, не наши. Тоже позиция, она делит мир на две правды — личную для меня и общественную для меня: я имею право, а вы обязаны.

Изучая феномен детства, я пришел к выводу, что мы пока имеем дело с закрытыми дверями. На сегодня нет науки, которая ответила бы на вопрос, что это такое. Но это тема отдельного разговора, а сейчас я могу сказать только то, что пишу книгу о феноменологии детства.

— Ролан Антонович, не так давно вы выступили с полемическими замечаниями, где размышляли о ре-

организации детского кино.

— Этим я сейчас занят, как один из секретарей правления Союза кинематографистов. Суть перестройки детского кинематографа заключается в том, чтобы избавить его от коммерческих расчетов производства, случайной режиссуры. Уже создано новое объединение детских и юношеских фильмов на студии «Мосфильм». Я назначен его художественным руководителем. Работа объединения будет вестись таким образом, чтобы мы могли активно влиять на развитие кинематографа для детей, повышение художественного уровня фильмов. Для этого собираем под свое крыло молодых, талантливых режиссеров, сценаристов. Наряду с обычными лентами будем делать видеофильмы. Я говорю не о простом переводе на видеопленку популярных картин или концертных программ для домашнего просмотра. Это совершенно новый самостоятельный жанр в искусстве и детском кино, в частности.

В коротком интервью всего не скажешь, но планов, связанных с реорганизацией детского кинематографа много, они интересные, и хочется все осуществить.

— Боюсь, что они надолго взяли вас в плен, и зрители не скоро еще увидят столь же драматичную ленту, как «Чучело», или такую же феерическую сказку, как «Айболит-88».

— Откровенно говоря, я сегодня в легкой панике оттого, что совсем не остается времени на творчество. Общественные обязанности отнимают его целиком. Впору переучиваться жить и работать.

А в ближайшее время меня ждут встречи со зрителями, ведь фильм «Письма мертвого человека» выходит на экран, и мне есть что сказать тем, кто придет его смотреть. Мой герой в картине решает проблему, существовавшую всегда, — остаться человеком. По сути что такое Арлсен? Философская модель спасения человечества. Сыграть эту роль было моим гражданским долгом.

Действовать или спрятаться в своей скорлупе и погибнуть — вот выбор, стоящий перед каждым. Убежден, ленты, подобные фильму-притче, снятому Константином Лопушанским, необходимы уже потому, что останавливают процесс усыпления нашего сознания.

Персей мог убить медузу Горгону, только глядя на ее отражение в щите. Для нас, сегодняшних жителей Земли, такой щит — искусство, правдивое отражающее мир со всеми его катаклизмами. Глядя в него, мы можем сберечь такие моральные ценности, как добро, справедливость, нравственность. Остановить скольжение человечества к ядерной катастрофе.

Беседовала
Р. ВАЛИТОВА.